

Бауаев Казим Каллетович

К ВОПРОСУ О ПРЕЕМСТВЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИИ И ЕЕ ХРОНОЛОГИЗАЦИИ

Статья посвящена проблеме формирования национального стиля балкарской авторской поэзии до 1917 года. Автор констатирует, что, невзирая на мощное воздействие тюркской и арабской поэтики на представления первых национальных поэтов, они сумели сформировать особый стиль поэтических презентаций, основывающийся на своеобразии апперцептивных моделей этнической словесности. Убедительный и обоснованный анализ стихов основоположника балкарской литературы - Кязима Мечиева - позволил сделать вывод о формировании устойчивой и своеобразной национальной традиции.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/12-1/8.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 12(54): в 4-х ч. Ч. I. С. 37-40. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/12-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

3. **Цыбова И. А.** Словообразование в современном французском языке. М.: Высшая школа, 2008. 128 с.
4. **Auzou. Dictionnaire encyclopédique.** P.: Auzou, 2006. 2176 p.
5. **Ça m'intéresse.** 2011. № 369.
6. **Ça m'intéresse.** 2012. № 378.
7. **Immobilier** [Электронный ресурс] // Le Figaro. URL: <http://www.figaroclassifieds.fr/pages/7022-immobilier> (дата обращения: 20.08.2015).
8. **Journaliste, ou copiste multimédia?** [Электронный ресурс] // Le monde diplomatique. URL: <https://www.monde-diplomatique.fr/2008/08/BENILDE/16173> (дата обращения: 25.08.2015).
9. **Larousse. Dictionnaire du français au collège.** P.: Larousse, 2003. 1406 p.
10. **Larousse. Dictionnaire encyclopédique.** P.: Larousse, 2001. 1712 p.
11. **Le Nouvel Observateur.** 2012. № 2492.
12. **Le Point.** 2009. № 1934.
13. **Microprocesseur multi-coeur** [Электронный ресурс] // Wikipedia. URL: https://fr.wikipedia.org/wiki/Microprocesseur_multi-coeur (дата обращения: 20.08.2015).
14. **Prefixe hyper** [Электронный ресурс] // Wiktionnaire. URL: <https://fr.wiktionary.org/w/index.php?title=Sp%C3%A9cial:Recherche&limit=20&offset=0&profile=default&search=pr%C3%A9fixe+hyper/> (дата обращения: 20.08.2015).
15. **Prefixe multi** [Электронный ресурс] // Wiktionnaire. URL: <https://fr.wiktionary.org/w/index.php?title=Sp%C3%A9cial:Recherche&limit=20&offset=0&profile=default&search=pr%C3%A9fixe+multi> (дата обращения: 20.08.2015).
16. **Prefixe ultra** [Электронный ресурс] // Wiktionnaire. URL: <https://fr.wiktionary.org/w/index.php?title=Sp%C3%A9cial:Recherche&limit=20&offset=0&profile=default&search=pr%C3%A9fixe+ultra> (дата обращения: 20.08.2015).

SOME PECULIARITIES OF THE PREFIXAL WORD FORMATION IN THE MODERN FRENCH LANGUAGE

Balabas Natal'ya Nikolaevna, Ph. D. in Philology
Moscow Region State University
balnani@mail.ru

The article aims at identifying the prefixes with high productivity in the modern French language. The research is based on the analysis of the neologisms presented in explanatory dictionaries, authentic press and Internet publications during the period of 2008-2015. The relevance of the study is conditioned by the active use of new prefix formations in the modern French language. The obtained data allow ascertaining the prefixes hyper-, multi-, ultra- with high derivational activity. The conducted analysis proves that prefixation is still one of the most productive ways of word formation in the modern French language.

Key words and phrases: vocabulary of the language; neologisms; word-formation; prefixation; authentic press; typological characteristic.

УДК 82.09(470.6)

Филологические науки

Статья посвящена проблеме формирования национального стиля балкарской авторской поэзии до 1917 года. Автор констатирует, что, невзирая на мощное воздействие тюркской и арабской поэтики на представления первых национальных поэтов, они сумели сформировать особый стиль поэтических презентаций, основывающийся на своеобразии апперцептивных моделей этнической словесности. Убедительный и обоснованный анализ стихов основоположника балкарской литературы – Кязима Мечиева – позволил сделать вывод о формировании устойчивой и своеобразной национальной традиции.

Ключевые слова и фразы: литературная традиция; словесная традиция; инокультурная традиция; арузная традиция; новописьменные литературы; фольклор.

Бауаев Казим Каллетович, к. филол. н., доцент
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова
kazim_bauaev@mail.ru

К ВОПРОСУ О ПРЕЕМСТВЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИИ И ЕЕ ХРОНОЛОГИЗАЦИИ©

Проблема преемственности поэтического опыта и трансляции его из одного общественно-исторического этапа жизни народа в другой не может оцениваться как сугубо эстетическая. Очевидность этой мысли, тем не менее, зачастую не мешает исследователям выстраивать протяженные эволюционные линии, с лёгкостью пронизывающие границы целых эпох. Явное воздействие идеологических и политических факторов на формирование взглядов учёных подразумевается как нечто само собой разумеющееся и неподлежащее учёту. Принятое

в советском литературоведении деление народов на «старо-» и «новописьменные» предполагало как возникновение последних в новейшее время – например, после Октябрьской революции, – так неограниченность удаления истоков литературы в прошлое в тех случаях, когда речь шла о системах, получивших развитие до XX в.

Подобный подход далеко не бесспорен – особенно при рассмотрении таких развитых литератур, как русская. Приведем весьма показательное высказывание Д. С. Лихачева, сделанное им в предисловии ко второму изданию «Текстологии»: «...принципиальное добавление касается проблемы “авторской воли”. Хотя для русской литературы древнейшего периода (примерно до XVI в.) проблема авторской воли не играет существенной роли, она важна...» [3, с. 6].

Даже оставляя в стороне явный авторский и, более того, однозначно уникальный характер поэтических представлений такого произведения, как «Слово о Полку Игореве», Д. С. Лихачёв вынужден проводить чёткую хронологическую границу между разными литературными системами в целях объединения их в единую словесную традицию, начинающуюся в его изложении с X века. Понятно, что вопросы соотношения культурных влияний, литературных заимствований и преемственности традиции в применении к литературам с долгим периодом развития сложны настолько, что ни одна из проблем этого ряда не может быть решена однозначно. Необходимость отслеживать культурно-ассоциативные, концептуально-философские, проблемно-тематические и другие этиологические связи высшего порядка дополняется кропотливейшим анализом различных, символических, тропических, ритмических и всех прочих формально-семантических аллюзий, среди которых могут быть как явные, так и весьма спорные.

Попытки проведения подобных сопоставлений, как правило, осложнены моментами индивидуального авторского подхода к осмыслению культурно-информационных ореолов тех или иных образов. Закономерно, приводя примеры обращения русских поэтов серебряного века к «Слову о Полку Игореве», Л. И. Сазонова анализирует как абсолютно целенаправленные цитаты Бальмонта и М. Волошина, так и вполне самостоятельные уникальные образы А. Блока [6, с. 22-26].

Включая таким образом произведения средних веков в непрерывную эволюционную линию современной литературы мы будем вынуждены оставлять без внимания даже такие бесспорные селективные критерии, как язык – в большинстве случаев непонятный рядовому читателю – и устойчивую этническую символику: если образы волнующегося ковыля, чернеющих туч, природных аномалий и интегрированы в сознание современного человека, то авторские находки создателя того же «Слова» могут быть ему совершенно непонятны даже на эмотивно-ассоциативном уровне.

Упомянутый нами критерий языкового тождества всегда учитывался классическим литературоведением, но это приводило к дроблению единой эволюционной линии, к разбивке её на вполне самостоятельные этапы, что, по всей видимости, не удовлетворяет идеологическим и политическим запросам современного общества. Тем не менее, центральное положение в многочисленных формулировках и определениях национальной литературной традиции оспорить трудно – этническая литература начинается с момента преимущественного использования архетипов, сформировавшихся в данной этнической среде, в контексте компонент национальной идеи [1, с. 19].

Повторимся – определение исходной хронологической, точнее – этапной – точки литературной традиции для словесных культур с длительной историей на практике может быть лишь конвенциональным.

Рассматривая новописьменные литературы в качестве своеобразных моделей, на примере которых возможно – в упрощённом, разумеется, виде – проанализировать процесс зарождения и развития непрерывной литературной традиции, мы должны учитывать возможность секуляризации авторского ряда, стилевых стандартов, тематики и, неизбежно, потери части национальных апперцептивных схем. В частности, первым именем балкарской авторской поэзии в советском литературоведении традиционно считалось имя К. Мечиева [8, с. 34-40]. Буквально в течение двух последних десятилетий были найдены, атрибутированы и опубликованы тексты Х.-Д. Шаваева, создавшего свои произведения на целое поколение раньше официального основоположника балкарской литературы [11].

Но стоит заметить, что причиной столь позднего знакомства специалистов с творчеством Шаваева были, скорее всего, внелитературные факторы – будучи лицом духовным, он писал стихи, прежде всего, религиозного содержания и значительная часть его наследия – зикиры. Понятно, что в СССР Х.-Д. Шаваев не мог быть известен читателю, не мог изучаться специалистами – напомним, что в Кабардино-Балкарии, республике с подавляющим преимуществом этнических мусульман до конца 80-х годов прошлого века не было ни одной мечети.

Объединяющим началом для двух поэтов была инокультурная традиция – восточная светская и восточная конфессиональная. Северный Кавказ вообще был довольно плотно интегрирован в культуру мусульманского Ближнего Востока – во всяком случае, даже те национальные поэты, которые не получили систематического духовного образования и вряд ли были знакомы с арузной традицией, вносили элементы последней в свои стихи. К слову, Б. Пачев первоначальные навыки поэта получил в сугубо этнической среде – в числе его учителей были известные кабардинские джегуако, в том числе и один из самых известных и любимых из них – Ляша Агноков [10, с. 320].

Тем не менее, в нескольких стихотворениях кабардинского поэта мы наблюдаем применение устойчивой фигуры арузной поэтики – тахаллус (макта), правда без обязательной привязки его к двум последним стихам, как этого требует канон восточных школ. Исследования показали, что в одном из своих текстов Б. Пачев весьма близко подходит к классической арабской форме кыт-а. Мы имеем в виду одно из популярных произведений кабардинского поэта – «Слово правды». С точки зрения восточной литературоведческой традиции

Бекмурза, Пачев отклонился от классических образцов лишь в одном – он добавил лишний бейт – как раз две последние строки макта, и его текст состоит из 13 бейтов, в отличие от требуемых в кыт-а 12-ти [9, с. 53].

В целом сам факт упоминания своего имени в конце стихотворения совершенно противоречит традиции кабардинских джегуако – хотя бы в силу того, что их творчество носило, так сказать артельно-коллективный характер. Понятно, что для Д.-Х. Шаваева и К. Мечиева восточные элементы были одной из главных составляющих их поэтической рефлексии, но сам характер их употребления этими двумя поэтами вполне иллюстративен.

Образность, композиция и тематика произведений Шаваева реализованы в двух практически независимых полях поэтического отражения. Он творит в рамках сугубо восточной, дидактической поэзии религиозного толка с преимущественным употреблением умозрительных понятийных и отвлеченных понятий и иллюзорных объектов – горе, счастье, благодать, смирение, стремление, мечта и т.д. Другим способом воплощения поэтического замысла Шаваева являются стихотворения, полностью погруженные в фольклорную идеоматику. Две эти составляющие поэтического мышления балкарского поэта не интегрированы и не представляют единого целого.

Интеграция восточной традиции и этнического фольклорного опыта произошла в творчестве «официального» родоначальника авторской национальной литературы – Кязима Мечиева. Отмечая перекрестный характер творчества К. Б. Мечиева, исследователь З. Х. Толгуров называет его «певцом-импровизатором профессионального уровня» [8, с. 57]. На наш взгляд, видится очень правдоподобным предположение о существовании у балкарцев его предтеч. Более того – логично было бы ожидать их хорошего знакомства с арабской и тюркской поэтической практикой, так как, скорее всего, это были представители аристократических сословий, принявших ислам намного раньше, чем простонародье. По этой же причине можно предположительно датировать время творчества такого автора (авторов) не XIX в., а, например, XVIII или даже XVII, что неизбежно перенесло бы нас в другие исторические условия и поставило бы перед нами проблему барьера между культурными состояниями этнического сообщества.

Мы столь подробно рассуждаем о гипотетическом посреднике по той простой причине, что К. Мечиев уже в первых своих стихах – по крайней мере, в тех, что дошли до нас – выступает как зрелый, сложившийся автор, а его индивидуальный стиль отмечен равноправием и гармоническим единством создающих его компонент. Произведения его крайне редко существуют в границах рафинированной традиции – той или иной, примеры следования арузному канону выглядят исключениями, да, к тому же, и в подобных образцах балкарский поэт стоит на грани условно-поэтического образа, тем или иным способом внедряя в умозрительные восточные параллели живую конкретику и чувствительную деталь: «Не надейся, что приземлившийся (присевший) орёл // – Твой, не говори так. // Если он взлетит, то следом // Не стоит бежать, думая, что догонишь... // ...Говоря: «Нет красивее тебя», // Парень девушку не заставит скучать (тосковать). // И сахар, и мёд сладки, – // Красиво то, что любит сердце» [5, с. 7].

Фактически, Мечиев придерживается классической схемы восточной поэтической презентации – это особенно чётко видно в том, что строчная разбивка соответствует бейтовому строению представления параллелизма с той лишь разницей, что он, в целях благозвучия и приближения к орфоэпической норме балкарской речи еще раз разделил бейты – в его стихе каждая строка представляет не полубейт, а его четверть. Учтя это, мы получаем классический двухбейтный отрывок, каждый восстановленный стих которого и есть теза параллелизма – в первом случае последовательного, во втором – аналогового: «Не надейся и не говори, что приземлившийся орёл – твой. // Если он взлетит – не стоит бежать следом, надеясь его поймать. // Парень не даст скучать девушке, если будет говорить, что красивее её нет. // Сладки и сахар, и мёд – (и) то, что любит сердце (кажется, видится) красивым» [Там же, с. 8].

Тем не менее, на лексическом уровне Мечиев выходит за рамки арузных представлений о норме эстетического, и его орёл не просто «приземляется» – в стихотворении употреблен вполне конкретный и пластически неповторимый глагольный корень «кон», означающий краткое движение и начало стационарного пребывания одновременно. В подстрочном переводе мы попытались передать семантику этого образа словом «присесть», однако, это совершенно не исчерпывает динамического содержания лексемы. Она обозначает промежуточное состояние между прекращением движения одного типа (полета и складывания крыльев), кратким движением второго типа (примачивание и нахождение комфортной позы на какой-либо возвышенной точке) и переход к стационарному положению, который еще не свершился.

Примечательно и мечиевское сопоставление сахара и мёда. Будучи уроженцем Холамо-Безенгиевского ущелья, поэт, вне всякого сомнения, в повседневной речи использовал словосочетание «балтуз» (буквально – «медовая соль»), хотя, конечно же, знал и лексему «шекер», обозначающую тот же объект. Замена его с точки зрения арузной эстетики не обязательна – фонетический повтор «балтуз» / «бал» в одной строке вполне допустим и достаточно чётко вписывается в рамки фигуры «таджнис», легитимизированной в арабской поэзии еще в VIII веке Ибн ал-Мутаззой [2, с. 126].

Мечиев идет на замену языковой нормали «балтуз» на непривычное «шекер» с одной целью – разграничить образное представление «мёда» и «соли», для более убедительной в сенсорном плане передачи фактуры двух этих веществ, и с этой точки зрения он полностью опровергает восточный канон, для которого подобная «материализация» ощущений была излишней и даже ошибочной.

Сопряжение материального, идущего от фольклора и условно-опоэтизированного представления становится чертой индивидуального стиля Мечиева, а с учетом того факта, что на рассматриваемом этапе балкарская литература представляла собой явление феноменологического, а не процессуального – то этот совмещенный стиль можно считать не только индивидуальным, но и национальным в целом.

Поэтика и индивидуальный стиль Кязима Мечиева не позволяли ему ограничиться условно-поэтическими картинками и отвлеченными образами. Находясь под явным влиянием арузной традиции, то есть в перцептивном плане изначально, будучи ограничен сферой поэтической идиоматики, иносказательности и «рафинированного» понятийного представления, он абсолютно осознанно и с однозначной стилевой регулярностью перемежает «поэтизмы» картинками и деталями реального, суггестивно достоверного характера.

У К. Мечиева есть всего лишь несколько стихотворений, в которых он намеренно устанавливает перцептивное ограничение описываемым объектам, стремясь к представлению их в виде символов и условно-обобщенных этических маркеров, однако и здесь стихия материального начала берёт своё, и поэт сопрягает вполне дематериализованные «кинжал» и «кремень» с безусловно фактурными и вещными «кувалдой» и «древесиной липы»: «Мужество остро, как кинжал, // Трусость – тупа, как кувалда. // Мужество защитит твою родину, // Трусость похоронит твой огонь. // Мужество – как кремь, // Трусость – древесина липы. // Мы стараемся (надеемся) быть людьми, // Поэтому любим мужество» [4, с. 10].

В. Д. Сквозников определяет стиль как «результат особой творческой преднамеренности» и, развивая свою мысль, поясняет, что «Для устойчивости ценности в потомстве намеренная выдержанность стиля, конечно, действительнее разностильности или, тем более, бесстильности, которая всегда является результатом и симптомом творческой слабости. Стыльность... предполагает серьёзную заботливость, прилежность труда, тщательность овеществления исходной художественной мысли, стремление к совершенству и отделанности формы» [7, с. 182].

Именно эту преднамеренность и целенаправленную обработку образного материала мы наблюдаем у Кязима Мечиева. Принимая как данность его положение автора-основоположника национальной литературы, его долгое пребывание в статусе единственного балкарского поэта, мы должны будем признать и то, что стиль К. Мечиева и был стилем национальной поэзии, и именно в нем мы видим первый «эмбриональный» отрезок линии непрерывного развития этнической литературной традиции – де-юре. Де-факто же – Мечиев реально воплотил своеобычность художественного представления, шире – гносеологического отражения своего народа, обогатив иллюзорность восточного поэтического выражения мощным материальным началом, и облагородив последнее утонченностью и подчеркнутой философичностью арузной традиции.

Список литературы

1. **Благой Д. Д.** Закономерности становления новой русской литературы. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 404 с.
2. **Крачковский И. Ю.** Ибн ал-Мутааз // Крачковский И. Ю. Избранные сочинения: в 6-ти т. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. VI. С. 9-156.
3. **Лихачев Д. С.** Текстология (на материале русской литературы X-XVII вв.). СПб.: Алетейя, 2001. 758 с.
4. **Мечиев К. Б.** Мужество остро... // Мечиев К. Б. Стихи и поэмы (на балкарском языке). Нальчик: Эльбрус, 1987. С. 9-10.
5. **Мечиев К. Б.** Не надейся... // Мечиев К. Б. Стихи и поэмы (на балкарском языке). Нальчик: Эльбрус, 1987. С. 7-8.
6. **Сазонова Л. И.** Память культуры. Наследие Средневековья и барокко в русской литературе нового времени. М.: ИМЛИ РАН, 2012. 476 с. (Рукописные памятники Древней Руси).
7. **Сквозников В. Д.** Стиль и художественная ценность произведения // Контекст 1987. Литературно-теоретические исследования. М.: Наука, 1988. 320 с.
8. **Толгуров З. Х.** Движение балкарской поэзии. Нальчик: Эльбрус, 1984. 250 с.
9. **Фильштинский И. М.** История арабской литературы V – начала X века. М.: Наука, 1985. 528 с.
10. **Хакуашева М. А.** Пачев Бекмурза Машевич // Писатели Кабардино-Балкарии: Библиографический словарь. Нальчик: Эль-Фа, 2003. С. 319-323.
11. **Шаваев Х.-Д.** Раздумья о жизни. Поэмы. Зиккири. Стихи: в 2-х ч. (на балкарском языке) / составитель Х. Х. Малкандуев. Нальчик: Изд-во КБИГИ, 2007.

ON THE QUESTION OF SUCCESSION OF NATIONAL LITERARY TRADITION AND ITS CHRONOLOGIZATION

Bauaev Kazim Kalletovich, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Kabardino-Balkarian State University
kazim_bauaev@mail.ru

The article is devoted to the problem of formation of the national style of the Balkar author's poetry until 1917. It is ascertained that, despite the strong influence of Turkish and Arabic poetics on the ideas of the first national poets, they managed to create a particular style of poetic presentations, based on originality of the apperceptive models of ethnic literature. The convincing and well-grounded analysis of the poems by the founder of the Balkar literature – Kyazim Mechiev – has allowed concluding about the formation of the stable and original national tradition.

Key words and phrases: literary tradition; verbal tradition; foreign culture tradition; 'Arūḍ tradition; new written literatures; folklore.